

УДК 343.144

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Самко А. В.

Могилевский колледж МВД Республики Беларусь, г. Могилев, Республика Беларусь

В статье автором рассматриваются особенности становления предъявления для опознания как самостоятельного следственного; исследуются этапы развития представлений о предъявлении для опознания от первых упоминаний в актах законодательства до наших дней.

Ключевые слова: предъявление для опознания, история, следственное действие, опознание, акты законодательства.

Предъявление для опознания относительно недавно нашло свое закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на то, что отсутствие его четкой процессуальной регламентации в прошлом, не препятствовало следственной практике использовать его в качестве одного из способов получения доказательств в ходе расследования. Значительный вклад в формирование предъявления для опознания, как самостоятельного следственного действия, внесен криминалистической наукой, благодаря достижениям которой уголовно-процессуальное законодательство пополнилось рядом новых норм, среди которых, наряду с предъявлением для опознания, можно выделить такие следственные действия, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительно исследования. Даже в настоящее время, как показывает анализ литературы, проблеме предъявления для опознания уделяется много внимания. Детальный научный анализ данного следственного действия, как и развитие, совершенствование новых форм предъявления для опознания, невозможен без прослеживания исторического генезиса его, от первого упоминания в актах законодательства до современного периода, что и стало целью данной статьи.

Согласно положениям Русской Правды, при пропаже вещи или челядина объявлялся «заклич» – оповещение о пропаже и приглашение всех членов общины по указанным в нем признакам искать утраченный объект (вещь, животное и т.д.) – «гнать след», которое в силу узости мира общины, становилось известным всем в течение трех дней. Если в ходе «гонения» следа изымалось похищенное, лицо, у которого последнее было изъято, могло сослаться на добросовестность его приобретения у иного лица. В таком случае «гонение следа» перерастало в «свод», представлявший собой, по сути, последовательность очных ставок между владельцами похищенного с целью установления похитителя [1, с. 40-41].

Опознание использовалось в качестве процессуального способа установления тождества похищенного имущества. Об опознании скрывшегося раба, например, указывалось следующим образом: «Если челядин скроется у кого-либо, а об его пропаже объявят на торгу и в течение трех дней после этого не вернут его прежнему господину, то, опознав его на третий день, он, т.е. прежний господин, может изъять своего челядина, а том (т.е. укрывателю) платити три гривны штрафа» [2, с. 17-18].

Распространенность использования опознавательных процессов в доказывании подтверждается и неоднократными упоминаниями об опознании в тексте Русской Правды краткой редакции (из 43 статей этого документа опознание регламентируется в четырех из них (ст. 11, 13, 14, 16)) [1, с. 40-41].

В последующих редакциях данного памятника русского права, происходит расширения границ производства опознания и самих объектов опознавания. Если Русская правда в краткой редакции (начало XI в.) допускала данную процедуру только «в своем миру», то пространная редакция Русской Правды предусматривала розыск похищенного уже как «в своем городе», так и в прилежащих к нему «землях», однако в «чужие земли свода нет» [3, с. 82, 124]. В пространной редакции учтена возможность того, что «след затеряется на большой дороге, где и села поблизости не будет, или на пустыре, где не будет ни села, ни людей» [3, с. 131]. В отношении объектов опознания Русская Правда в краткой редакции предусматривает коня, оружие, одежду и челядина (раба), пространная же редакция дополняет данный перечень, предусматривая дополнительно скотину и неопределенный объект («что-нибудь краденное»). [1, с. 42].

Часть приведенных норм мы можем найти в другом историческом документе XIV-XV вв. – Псковской судной грамоте, в котором употребляется термин «узнавание», а не «опознание», что свидетельствует о «внимательной и квалифицированной редакторской работе и о достаточно высоком уровне юридического мышления ее составителей» [4, с. 331].

Аналогичные нормы можно обнаружить и в некоторых правовых источниках Западной Европы V-VI вв. В Саллической правде, законодательном акте древних франков, содержались статьи «О преследовании по следам», «О розыске», аналогичные по процедуре положениям Русской Правды. Опознания для установления тождества, в соответствии с данным законом, подлежали раб, конь, бык, какая бы то ни было вещь или какое-либо животное [5, с. 16, 20].

В дальнейшем уголовно-процессуальные нормы развивались в именных указах, судебныхниках, уложениях и других, дошедших до нас, документах. Характерным элементом этого периода являлось развитие инквизиционного (розыскного) процесса. Появляются специальные должностные лица, основной задачей которых была борьба с преступниками (наместники, волостели, тиуны, приставы, дьяки и т.д.). В законодательстве того времени отсутствует описание специальных приемов получения доказательств, что связано, по всей видимости, с устной передачей между соответствующими должностными лицами опыта производства сыска, который включал в себя как розыск, так и следствие, суд, а зачастую и исполнение наказания [1, с. 43]. Крылов В. В. указывает, что сложилась следующая процедура его производства: «Соответствующему должностному лицу, отвечающему за правопорядок на вверенной территории, вменялось в обязанность задерживать любое подозрительное лицо и выяснять, кто оно, откуда прибыло и куда направляется. Полученные сведения

надлежало проверять по месту последнего жительства задержанного путем «повального обыска», т.е. опроса «добрых людей». Если эти лица называли его «лихим», следовало пытать задержанного с целью выяснения, где и какие преступления он совершил» [1, с. 43-44]. В случае, если данное лицо признавалось в совершении преступлений («скажет он про себе сам»), надлежало казнить его, в случае же молчания последнего даже после применения пыток, предусматривалось пожизненное тюремное заключение. Процедуре опознания того времени способствовало также существовавшее клеймение и членовредительство, которые выступали как в качестве средств наказания преступников, так и своеобразным средством облегчающим поиск преступника («мерой полицейской для предупреждения сокрытия преступников»), так как по их способу можно было определить какие преступления были ими совершены в прошлом. Например, Указом о клеймении преступников 1637 г. предусматривалось: выжигание на лице слова «вор», «тат», «рзб»; за первую «татьбу» отрезали левое ухо, за вторую – правое. За продажу табака рвали ноздри и резали носы, за церковную кражу отрубали левую руку и правую ногу [6, с. 384-385, 454, 400].

В Соборном уложении 1649 г. предъявление для опознания получило широкое распространение, в связи с тем, что задержанные преступники публично подвергались наказанию на месте совершения преступления, а, кроме того, о лицах, совершивших преступление, широко объявлялось в публичных местах, описывались совершенные ими преступления и их приметы, что способствовало узнаванию данных лиц населением в будущем. В данном документе также было сформулировано важное правило производства предъявления для опознания: «А на которых людей языки говорят о разбое за очи, а с очей на очи на них говорить не учнут, и во многих людей их не узнают или узнав их, да начнут с ними сговаривати: и тех языков пытать накрепко... не по засылке ли их не узнали или узнав сговаривают» [6, с. 391].

Данная норма определяла необходимость предъявления для опознания не в единственном числе (среди многих лиц), т.е. создавала условия для более надежного его производства, а также что имели место случаи умышленного ложного опознания или не опознания. Это свидетельствует о широком использовании опознания в практике, оно практически «выросло уже в самостоятельное следственное действие, однако законодательная техника того времени не предусматривала задачи максимальной формализации правовой нормы» [1, с. 45]. Уложением предусматривалось также необходимость детального описания примет похищенного имущества, оно предусматривало только один объект опознания – личность, однако детализировало применение «свода», известного еще по Русской Правде, дополняя предусмотренную в данном памятнике древнего права процедуру применением пыток. Нормы Уложения (с соответствующими изменениями и дополнениями) действовали до принятия Свода законов Российской империи 1832 г.

В Своде законов Российской империи 1832 г. отсутствовали правила, регламентирующие порядок производства предъявления для опознания, хотя фактически оно применялось, однако в рамках другого следственного действия – очной ставки. В регламентации порядка ее проведения указывалось: «На очной ставке спрашивать свидетеля: обвиняемый тот самый человек, о котором он будет показывать?... Очные ставки даются для объяснения противоречий и для взаимного уличения... а также для того чтобы удостовериться, что изветчики и свидетели знают тех, кото-

рых они обвиняют» [1, с. 46]. Данное положение сохранилось и после судебной реформы 1864 г. Отсутствие правовой регламентации производства опознания объяснялось существовавшей концепцией уголовно-процессуального права, сформулированной Случевским В.: «Способы и средства действий органов судебной власти устанавливаются в законодательстве сообразно цели, преследуемой уголовным процессом, и тому отношению, в котором находятся друг к другу в постановлениях его – интересы публичный и личный... способы и средства имеют своим назначением доставить уголовному суду возможность найти объективные основания для разрешения вопроса о событии преступления и виновности лица и... они ни в коем случае не могут быть применяемы с целью побудить обвиняемого учинить сознание и вообще дать данные своего изобличения. Под условием соблюдения этого основного положения органы судебной и следственной власти могут предпринимать такие действия, на производство которых они не встречают прямого разрешения закона и которые должны быть применяемы согласно интересам целесообразности, лишь бы при этом, с другой стороны, действия эти не нарушали прав посторонних лиц и не возлагали на них обязанностей, законом на них не возлагаемых» [7, с. 47]. Таким образом, опознание допускалось, даже в отсутствие его четкой процессуальной регламентации как самостоятельного следственного действия.

Одним из первых ученых-криминалистов, занявшихся вопросами процедуры предъявления для опознания на предварительном следствии был Громов В. Он в 1913 году, обосновывая необходимость его выделения как самостоятельного следственного действия, ссылаясь на итальянский Устав уголовного судопроизводства, который определял процедуру опознания так: «опознающий должен сначала дать подробное описание того, кто подлежит опознанию; затем он вводится в комнату, где вместе с опознаваемым должны находиться несколько человек, имеющих хоть некоторое сходство с ним.

Если опознающих несколько, то каждый допрашивается порознь» [2, с. 23]. В 1914 году в «Журнале Министерства юстиции» выходит статья данного ученого «Акт предъявления личности на предварительном следствии», которую можно считать первым научным изысканием в области опознания. Автор в ней обращался к психологической стороне процесса опознания, выступал с критикой существующей практики его производства, давал методические рекомендации по проведению данного следственного действия с целью максимизации эффективности его производства, ставились вопросы об оценке результатов опознания с помощью судебно-психологической экспертизы, следственного эксперимента и т.д. [2, с. 25].

После Октябрьской революции 1917 года порядок производства следственных действий регламентировался различными актами – Декретами о суде 1917 и 1918 годов, иными подзаконными актами. В 1922 году был принят Уголовно – процессуальный кодекс БССР, который в последующем, в связи с принятием в 1923 году Положения о судостроительстве, учредившего единую судебную систему, нуждался в реформировании и в 1923 году был изменен и принят в новой редакции [8, с. 38]. Существовала также Инструкция народным следователям по производству предварительного следствия. Ни в одном из данных документов предъявление для опознания, не упоминалось и в систему следственных действий не входило.

Первым упоминает об опознании в советской литературе Якимов И. Н., который развивал мнение о том, что предъявление для опознания является разновидно-

стью других следственных действий, таких как допрос или очная ставка, он отмечал, что «очные ставки заподозренного со свидетелями делаются для опознания» [2, с. 28].

Значительный вклад в регламентацию процедуры и тактики предъявления для опознания был внесен опять же Громовым В. И. уже в послереволюционный период. В 1925 году выходит его работа «Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)», в которой имелась глава «Акт предъявления личности при дознании и на предварительном следствии» [9, с. 189]. В данной главе автор указывал на необходимость тщательной проверки показаний опознающих, при необходимости с привлечением «эксперта-психиатра для выяснения степени его памяти и правильности восприятия им в обычной жизненной обстановке тех или других внешних цветовых, звуковых или слуховых впечатлений, быстроты его сообразительности, степени его психической уравновешенности, влияния на него чувства страха перед опасностью и т.д.» [9, с. 190]. Громов В. И. предлагал производить опознание по возможности «с инсценировкой места и обстановки совершенного преступного события», в той же одежде, в которой преступник находился в момент совершения преступления. Им предлагалась проверка достоверности опознания путем следственного эксперимента («опыта»), допроса свидетелей, осмотра места происшествия, в тех случаях, когда возникали обоснованные сомнения в достоверности результатов опознания, указывалось на необходимость составления протокола данного следственного действия, а также на необходимость участия в его производстве понятых [9, с. 190, 191].

Данные идеи нашли свое продолжение в монографии Громова В. И. «Предварительное расследование по уголовным делам», вышедшей в 1930 году. В ней Громов В. И., обобщив материалы практики, обстоятельно изложил порядок и предложил тактические рекомендации «акта предъявления личности», некоторые из которых были в последствии учтены законодателем [10, с. 21]. В 1936 году выходят в свет рекомендации по опознанию живых лиц при расследовании преступлений, автором которых был опять же Громов В. И., в них анализировались ошибки при производстве опознания, рассматривались тактические приемы предварительного допроса опознающего, способы организации опознания, проверка достоверности его результатов [11, с. 6, 12, 20, 23].

В последующем проблематика предъявления для опознания была рассмотрена в трудах ученых-процессуалистов, таких как Строгович М. С., Чельцов М. А., Карев Д. С., Гуткин И. М., а также представителями криминалистической науки Баева О. Я., Лифшица В. В., Кочарова Г. И., Цветкова П. П. и др., детально рассмотреть работы которых не позволяет объем данной статьи.

Благодаря изысканиям ученых-криминалистов предъявление для опознания, как самостоятельное следственное действие, в 1960 году вошло в УПК РСФСР, а также в УПК БССР. Были закреплены лишь основные правила его производства, в последующем же тактико-криминалистические особенности его производства постоянно совершенствовались криминалистической наукой, однако и в настоящее время предъявление для опознания вызывает интерес ученых в связи с наличием ряда дискуссионных вопросов по его производству, не разрешенных законодателем.

Следует согласиться с Моисеевым Н. И., который в своем диссертационном исследовании указывает: «Требуются серьезные уточнения по процедуре отдельных

видов опознания, необходим поиск новых, более совершенных подходов к максимальному приближению идентификации по мысленным образам (субъективной идентификации) к ее родственной форме – идентификации по материально-фиксированным отображениям с тем, чтобы предельно объективизировать данный процесс» [2, с. 42]. Необходимо ввести в уголовно-процессуальное законодательство понятие предъявления для опознания, закрепить процессуальными нормами тактические рекомендации криминалистов по различным видам опознания живых лиц (например, опознание по динамическим признакам, видеоизображениям, голосу), опознанию дискуссионных объектов (участки местности и помещения, почерк и т.д.) либо закрепить процессуальную невозможность их опознания. В связи с чем исследование предъявления для опознания и на сегодняшний день не теряет своей актуальности.

Список литературы

1. Крылов В. В. История развития приемов предъявления личности для опознания / В. В. Крылов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 4.
2. Моисеев Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. А. Моисеев. – Москва, 2006
3. Памятники русского права: Вып. I. Памятники права Киевского государства X – XII вв. – М., 1952
4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т.: М. – . – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 1984.
5. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / [Под ред. акад. В. М. Корецкого]. – М.: Госюриздат, 1961.
6. Памятники русского права: Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. – М., 1957
7. Случевский В. Учебник уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1913.
8. Советский уголовный процесс / [Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича]. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
9. Громов В. И. Допзнание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: (Сб. научн. Тр.) / В. И. Громов. – М.: ЛексЭст, 2003.
10. Вольская Т. А. Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т. А. Вольская. – Воронеж, 2006.
11. Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений: Методическое письмо утвержденное прокурором Союза СССР А. Я. Вышинским. – М., «Советское законодательство», 1936.

Самко А. В. До питання про становлення пред'явлення до впізнання як самостійної слідчої дії / А. В. Самко // // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2012. – Т. 25 (64). № 1, 2012. – С. 319-325.

У статті автором розглядаються особливості становлення пред'явлення для впізнання як самостійної слідчої дії; досліджуються етапи розвитку уявлень про пред'явлення для впізнання від перших згадок в актах законодавства до наших днів.

Ключові слова: пред'явлення для впізнання, історія, слідча дія, впізнання, акти законодавства.

Samko A. To the question of presentation formation for the identification as independent investigatory action / A. Samko // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2012. – Vol. 25 (64). № 1, 2012. – P. 319-325.

In article the author considers features of formation of presentation for an identification as independent investigatory; stages of development of ideas of presentation for an identification from the first mentions in legislation acts are investigated up to now.

Keywords: presentation for an identification, history, investigatory action, an identification, legislation acts.

Статья поступила в редакцию 11.04.2012.